

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-5-42-53

ЛЕКСЕМА *КАВКАЗЕЦ* В КОНЦЕПТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ОДНОИМЁННОГО ОЧЕРКА М. Ю. ЛЕРМОНТОВА (ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Федорченко Е. А.*Российская таможенная академия**140015, Московская обл., г. Люберцы, пр-т Комсомольский, д. 4, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявить лингвокультурологический потенциал слова *кавказец* в концептуальном пространстве одноимённого очерка М. Ю. Лермонтова.

Процедура и методы. Устанавливаются и анализируются факторы, предопределяющие изменения значения слова и обогащение его различными смыслами. Используется комплексная методология, включающая описательно-аналитический метод, методы контекстного и концептуального анализа.

Результаты. Слово *кавказец* в очерке Лермонтова представлено как единица текстуального семантического поля топонима *Кавказ*. В качестве источников приращения смысла и возникновения ассоциаций в тексте рассматриваются контекстуальные связи слова *кавказец* с наименованиями аксиологических национально-культурных доминант, реалий истории России и её современной жизни, понятий региональной географии и сферы индивидуального жизненного опыта.

Теоретическая и/или практическая значимость. Полученные результаты могут быть использованы при изучении языковой картины мира и языковой личности автора.

Ключевые слова: взаимодействие культур, семантика, семантическое поле, языковая картина мира, языковая личность автора

THE RUSSIAN LEXEME *КАВКАЗЕЦ* “CAUCASIAN” IN THE CONCEPTUAL SPACE OF M. YU. LERMONTOV’S ESSAY (A LINGUISTIC AND CULTURAL ASPECT)

E. Fedorchenko*Russian Customs Academy**prosp. Komsomolsky 4, Lyubertsy 140015, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract

Aim. To identify the linguistic and cultural potential of the Russian word *кавказец* “Caucasian” in the conceptual space of M. Yu. Lermontov’s essay.

Methodology. The author identifies and analyses the factors that predetermine how the meanings of the word under investigation have been changing and developing. The comprehensive methodology applied by the author includes a descriptive and analytical method, as well as contextual and conceptual analyses.

Results. In Lermontov’s essay, the Russian word *кавказец* (Caucasian) is a unit of the textual semantic field related to the toponym *Caucasus*. The word *кавказец* (Caucasian) has contextual links with the names of axiological national and cultural dominants, as well as the realities of Russia’s history and modernity, its regional geography concepts and individual life experience, which are viewed as the sources for semantic development and the emergence of associations in the text.

Research Implications. The obtained results can be used in the study of the linguistic picture of the world, and the linguistic personality of the author.

Keywords: interaction of cultures, semantics, semantic field, linguistic picture of the world, linguistic personality of the author

К 210-летию со дня рождения автора

Введение

Михаил Юрьевич Лермонтов в его неодолимой и для него совершенно ясной связи с вечностью перед каждым новым поколением через десятилетия и века ставит свои вопросы, а его слово в мысленном диалоге с читателем обретает новые смыслы и неповторимые ассоциации. Многочисленные опыты историко-филологических оценок творческого наследия М. Ю. Лермонтова [10; 11 и др.] по объёму уже давно многократно превышают объект изучения, но всё же мы по-прежнему остаёмся на почтительном расстоянии в приближении к объяснению главного – чуда творчества гениального человека.

Использование жанра юбилейной статьи в полной мере способствует выражению уважения, почтения и благоговейной любви к великому художнику за его литературное наследие, являющее нам непреходящие духовно-нравственные и эстетические ценности. Вместе с тем в предлагаемом исследовании ставится цель «прочитать» в контексте сегодняшнего дня очерк М. Ю. Лермонтова «Кавказец», поскольку это произведение, малоизученное и почти неизвестное широкому кругу читателей, воспринимается как феномен исторической памяти, значение которой переоценить невозможно.

Память существует не только у отдельного человека, но и у этноса, народа, государства. «Память может быть окрашена позитивно и быть предметом общей гордости... Память может быть невыносимо тяжёлой. Это память о травмах, нанесённых историей... Учёные считают, что представление личности о себе, самоидентификация формируется как раз в результате синтеза индивидуальной и коллективной памяти» [6, с. 48].

Феномен исторической памяти укрепляет великую Россию. Но современная политическая жизнь даёт многочисленные примеры реконструирования исторического знания и превращения его в мощный ресурс политического, социального влияния на людей (а в отдельных случаях, к сожалению, и манипулирования обществом). При этом вопросы национальной политики, вопросы взаимодействия культур выходят сегодня на одно из первых мест.

Выбор очерка «Кавказец» в качестве материала исследования обусловлен и его особой филологической ценностью – богатством использованных здесь языковых ресурсов и композиционных форм, представляющих огромный потенциал для лингвистических наблюдений, размышлений и обобщений по актуальной научной проблематике: *значение слова – смысл слова; интерпретация слова в концептуальном пространстве текста; лингвокультурологический потенциал слова в восприятии современников автора и в исторической перспективе.*

Кавказская история Лермонтова – это история всей его короткой пламенной жизни. «Люблю я Кавказ», – восклицает шестнадцатилетний отрок. Различные лики Кавказа мы видим в его лучших произведениях. Но Кавказ для Лермонтова не только рай на земле и источник вдохновения. Кавказ в жизни художника сыграет роковую роль. Это место его ссылок. Это война. Наконец, это место его гибели.

Мы восхищаемся шедеврами поэтического языка М. Ю. Лермонтова, его лирикой и художественной прозой, драматургией, но он был и блестящим публицистом, о чём свидетельствует очерк «Кавказец», хотя путь этого произведения к читате-

лю оказался длительным и чрезвычайно сложным.

Очерк «Кавказец» был написан, вероятно, в конце 1840 или в начале 1841 г. для альманаха «Наши, списанные с натуры русскими», издаваемого Александром Павловичем Башуцким по образцу французского альманаха «Les Français points par eux même» («Французы в своём собственном изображении»). По замыслу издателя, в этом альманахе должны быть представлены социальные типы из разных мест России¹. Однако очерк М. Ю. Лермонтова «Кавказец» был запрещён к изданию цензурой. Впервые он будет опубликован только в 1929 г.²

Изучение очерка М. Ю. Лермонтова «Кавказец» в парадигме современной лингвистики имеет значение как для лингвоперсонологии, так и системы научного знания в области лексикологии, концептологии, теории текста, лингвокультурологии.

О значении лексемы *кавказец* в русском языке

В одном из современных гуманитарных исследований, рассматривающих в философском аспекте вопрос о взаимодействии и взаимопроникновении культур в истории России, читаем: «Словом “кавказец” в наше время привычно обозначают представителей многочисленных этносов Кавказа. В лермонтовское же время коренной житель Кавказа – это “горец”, а человек, несущий военную службу на линии на Кавказе, – “кавказец”» [5, с. 41], с чем лингвист согласиться безоговорочно не может. Одно в этом утверждении бесспорно: сегодня, впервые прочитав название очерка М. Ю. Лермонтова «Кавказец», носитель русского языка однозначно интерпретирует значение данного слова как «житель Кавказа». В словарях русского языка XXI в. это слово имеет только одно значение: «уроженец Кавказа, принадлежа-

щий к одному из его основных народов».³ Впрочем, многие словари не включают лексему *кавказец* в словник или ограничиваются отсылкой см.: *Кавказ*. В таких лексикографических изданиях описывается значение топонима *Кавказ*; языковое значение лексемы *кавказец* есть результат продуктивной словообразовательной модели: основа производящего существительного + суффикс *-ец* с выражаемой здесь семантикой «наименование жителей в их отношении, принадлежности к определённой территории, местности, городу, государству и т. п.». Заметим, по этой же модели образуются в русском языке и многие наименования национальностей (примеры не приводим ввиду очевидности данных фактов). Для семантики слова *кавказец* равнозначимыми являются все указанные в толковом словаре семантические признаки. Чтобы быть кавказцем, недостаточно родиться и жить на Кавказе, необходимо принадлежать к одному из коренных народов Кавказа. Невозможность для многих людей, включённых в другую культуру, дифференцировать кавказские этносы (которых более 50), явилось причиной широкого распространения в конце XX в. в обыденной речи устойчивого наименования лица *кавказской национальности*, вызывающее нередко резкое неприятие у кавказцев с их почтением к культуре и исторической памяти именно своего этноса. Между тем различать кавказцев действительно не просто. В лексикографическом издании «Россия. Большой лингвострановедческий словарь» читаем: «Население Кавказа имеет сложный в этническом и языковом отношении состав. Здесь живут народы, говорящие на языках трёх лингвистических семей: собственно кавказской (или иберо-кавказской), индоевропейской и алтайской. Среди **кавказцев** много долгожителей»⁴.

¹ Половцов А. А. Русский биографический словарь. Т. 2. URL: <https://www.azbyka.ru> (дата обращения: 21.11.2024).

² Лермонтов М. Ю. Кавказец // Минувшие дни. 1828–1929. № 4. С. 42–44.

³ Кавказец // Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4- изд., доп. М.: ТЕМП, 2006. С. 258.

⁴ Россия. Большой лингвострановедческий словарь / под общ. ред. Ю. Е. Прохорова. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009. С. 235.

Описанное выше языковое значение слова *кавказец* как исходное, основное было актуально и для времени создания очерка «Кавказец». Более того, в этом значении слово функционировало и ранее (возможно, самыми древними текстами, зафиксировавшими это слово, являются тексты Киево-Печерского патерика¹). Но для целей данного исследования достаточно обратиться к источнику, датированному 1802 г.: *Грузинские летописи производят начало своего народа, так же как все летописи прочих народов, прямо от Ноя ... по летописям грузинским и армянским ... / Таргамос/ общий родоначальник армян, грузин, раннов или гриннов, мовоканцев, херетов, лесгинцев, колхидцев или мингрелов, и кавказцев*.²

В данном примере слово *кавказцы* фактически используется для наименования всех иных, многочисленных, не названных в данном тексте народов Кавказа (*грузины, мегрелы, лезгины* – это тоже кавказцы; используем словоформы в соответствии с нормами современного русского языка). Но сложно утверждать, что автору представленного текста известно, что национальности *кавказцы* не существует. Как видим, ещё в начале XIX в. наблюдается смешение данной номинативной единицы с наименованиями национальностей Кавказа. В связи с этим полезно вспомнить уже ставшие классическими определения А. В. Бондарко: «Значение той или иной единицы представляет собой элемент языковой системы, тогда как конкретный смысл – это явление речи, имеющее ситуативную обусловленность»; «Во взаимосвязи значения и смысла существенны отношения средства и цели: языковые значения служат средством (точнее, одним из средств) для выражения смысла в том или ином конкретном высказывании» [2, с. 50–51].

¹ Азбука веры [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru> (дата обращения: 21.11.2024).

² Историческое изображение Грузии в политическом, церковном и учебном её состоянии / сочинено [Е. Болховитиновым] в Александро-Невской академии. В Санкт-Петербурге: Печатано в типографии Шнора, 1802. 100 с.

В период почти полувекового военного противостояния Российской империи и народов Кавказа, составной частью повседневного военного быта которых были набеги на земли соседей и грабежи, что, между прочим, не только не считалось преступлением, но и поощрялось в общественном мнении этих народов как действие, освящённое идеологией доблести, славы и мужества [9, с. 62], в русском языке у слова *кавказец* появляется новый ЛСВ. Слово *кавказцы (кавказец)* в это время начинают использовать для наименования участников военных экспедиций на Кавказ: Николай I, получив донесение, по рассказам **кавказцев**, выразился так: «князь Бебутов хочет удивить меня победой; удивлю же я его наградой».³

В связи с реализацией мер по укреплению границ Российской империи, а также необходимостью утверждения на Кавказе российской государственности, поскольку в 1801 г. Грузия вошла в состав Российской империи, но между Россией и Грузией был воинственный и неуправляемый Кавказ, здесь в течение 47 лет происходят боевые действия, получившие в истории обобщённое наименование *Кавказская война*. У этой войны не было ни официальной даты начала, ни официальной даты окончания, но значительное количество русских людей не только на годы – на десятилетия оказываются оторванными от привычных условий жизни и приходят в соприкосновение с реалиями иной культуры. При этом огромное количество солдат и офицеров русской армии погибли, попали в плен или пропали без вести. Огромные жертвы были и с другой стороны.

На Кавказе в русской армии формируется новый социальный тип человека, который и представлен в очерке М. Ю. Лермонтова «Кавказец». Слово *кавказец*, использованное в его производном ЛСВ для наименования данного социального типа, получает в произведении Лермонтова множество смысловых насло-

³ Половцов А. А. Русский биографический словарь. Т. 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.azbyka.ru> (дата обращения: 21.11.2024).

ений. После окончания Кавказской войны этот производный ЛСВ лексемы *кавказец* естественным образом «угасает», сохраняя свою значимость в XXI в. в текстах документов соответствующего периода русской истории, а также как единица языка писателя М. Ю. Лермонтова.

Вопрос о значении и смыслах лексемы «*Кавказец*» в очерке М. Ю. Лермонтова требует многоаспектного осмысления в связи с особенностями идиостиля автора. По законам жанра публицистики, в названии очерка автор, естественно, стремится использовать эффект новизны. И поскольку М. Ю. Лермонтов сам был *кавказцем*, т. е. служил на Кавказе и принимал здесь участие в боевых действиях, отличаясь необыкновенным мужеством и хладнокровием, новый социальный тип *кавказца* в очерке представлен с документальной точностью, а источником тонкого психологизма данного сочинения, полагаем, является пронизательность и богатый жизненный опыт автора.

**Лексема *кавказец* как единица
текстуального семантического
поля топонима *Кавказ* в очерке
М. Ю. Лермонтова**

В современной науке для изучения языка литературных произведений эффективно применяется метод семантического поля [8 и др.]. Но несмотря на то, что теория семантического поля разрабатывается в лингвистике уже более века и сочетает в себе многообразие теоретических концепций и методологических подходов, дискуссии в этой области по-прежнему не утихают [3; 4; 8 и др.], что, полагаем, свидетельствует о гносеологической и методологической ценности данного теоретического понятия.

Для целей настоящего исследования использован термин *текстуальное семантическое поле*, который понимается как совокупность функционирующих в изучаемом тексте языковых единиц, объединённых некой общностью значения, выделяемого на основе определённых семантических

отношений между языковыми единицами в тексте, системного характера таких отношений, взаимозависимости языковых единиц при их функционировании, что имеет следствием формирование целостного, «непрерывного» смыслового пространства текста. Текстуальное семантическое поле в единстве его парадигматического, синтагматического и эпидигматического измерений формирует в очерке Лермонтова основу для интерпретации «семантического пространства» языковой единицы *кавказец*. При этом необходимо отметить, что создаваемое автором текстуальное семантическое поле топонима *Кавказ* в целом характеризуется конкретно-историческим содержанием.

Новый ЛСВ лексемы *кавказец* (получивший распространение в русском языке в первой половине XIX в.) – «офицер, который служит на Кавказской линии» (т. е. принимает участие в боевых действиях на Кавказе и несёт тяготы военной службы по охране южных рубежей России). Ср. у Лермонтова: *Настоящих кавказцев вы находите на Линии*¹ (в языке военных *линия – линия фронта, линия границы*). Сравнительный компонентный анализ производного ЛСВ с основным ЛСВ показывает, что семантические признаки основного ЛСВ *уроженец Кавказа; человек, принадлежащий к коренным этносам Кавказа* в производном ЛСВ утрачены, точнее, редуцированы до смыслового элемента *Кавказ*, а смысловой элемент 'лицо', 'человек' дополняется смыслами, формирующими характеристику «специализация по роду деятельности». Однако слово *кавказец* и в этом производном значении (метонимический способ переноса наименования осложняется метафоризацией значения: *кавказец* Лермонтова по прошествии многих лет службы становится похож на этнического кавказца) сохраняет принадлежность к семантическому полю топонима *Кавказ*. Разумеется, текстуальное семантическое поле с до-

¹ Лермонтов М. Ю. *Кавказец* // Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 4. М.: Правда, 1969. С. 336.

минантой (топонимом) *Кавказ* в очерке М. Ю. Лермонтова имеет иную структуру, нежели семантическое поле топонима *Кавказ* в системе языка или в целостном представлении языка писателя (идиолекте).

В структуре текста одноимённого очерка у слова *кавказец* в его новом значении устанавливаются и закрепляются синтагматические связи со словами различных ЛСГ, относящихся к кавказской лексике. Прежде всего это наименования одежды и аксессуаров кавказских этносов, а также наименования используемых на Кавказе различных видов оружия. Он [кавказец] *ещё в Петербурге сшил себе ахалук, достал мохнатую шапку и черкесскую плетё на ямщика. Приехав в Ставрополь, он дорого заплатил за дрянной кинжал и первые дни, пока не надоело, не снимал его ни днём, ни ночью.*¹

В этом ярком описании на первое место поставлен *ахалук*. Уже фонетический облик этого слова формирует восприятие данного типа одежды как чего-то экзотического (настолько необычно для русского языка звучание этого слова). Но представить, как выглядел *ахалук* лермонтовского кавказца, по описаниям словарей, практически невозможно: «в старину: род короткого кафтана»²; «кафтан без пуговиц из плотной полосатой вост. ткани (шёлковой или хлопчатобумажной), т. е. вост. халат. Популярен в России 1-й пол. 19 в. в качестве дом. одежды. “Ахалук мой, ахалук, / Ахалук демикотонный...”³ Неужели восточному халату, используемому русскими в качестве домашней одежды, посвятил в 1832 г., находясь на Кавказской линии, свои вдохновенные стихи русский поэт-кавказец Александр Полежаев? Невероятно.

Словом *ахалук* (*архалук*) в разное время называли разные виды одежды. В рассматриваемом текстуальном семантическом поле это, прежде всего, национальный вид одежды многих народов, населяющих Кавказ (кавказский мужской костюм с высоким стоячим воротником плотно прилегает к телу; имея общие черты, *ахалук* у разных кавказских этносов имеет некоторые отличия). С 1840 г. (а это время создания очерка Лермонтова) *ахалук* становится частью военного обмундирования Кавказского, Кубанского, Черноморского казачьего войска. В документах этого времени (как и в очерке Лермонтова) данное слово употребляется в написании «*ахалук*». Офицерам в конных полках *ахалук* полагался красный стамедовый (вид шерстяной ткани), стёганный на вате, с воротником красного сукна с серебряными петлицами; внизу воротника и по бортам до пояса обложен серебряной узкой тесьмой. Казакам – такой же шафлоновый с суконным воротником без петлиц. У артиллеристов для офицеров *ахалук* чёрный, шёлковый, с золотыми петлицами и тесьмой, для казаков – **чёрный демикатонный** с красным кантом. Пешим казакам *ахалук* не полагался. Образцы такой одежды можно увидеть в Государственном историческом музее (г. Москва).

Вспомним ещё раз стихи А. Полежаева: *Ахалук мой, ахалук, / Ахалук демикотонный, / Ты – работа нежных рук / Азиатки благосклонной! ...Чёрен ты, как локон длинный / У цыганки кочевой...*⁴ Поэт был разжалован в рядовые. Он описывает свой военный костюм. И за описанием деталей этого костюма – мироощущение человека, осознание им своей трагической судьбы. Аналогичный приём использует и Лермонтов, но в его очерке всё сложнее и психологически более тонко. Судьба *кавказца* трагична (в различных её вариантах, едва обозначенных в очерке отдельными штрихами), и трагизм судьбы русского офицера на Кавказе автор понимает, од-

¹ Лермонтов М. Ю. Кавказец // Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 4. М.: Правда, 1969. С. 336.

² Архалук // Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: ТЕМП, 2006. С. 29.

³ Архалук // Гуманитарный словарь [сайт]. URL: <https://www.wordhelp.ru> (дата обращения: 25.11.2024).

⁴ Полежаев А. Ахалук // Слова: [сайт]. URL: <https://slova.org.ru/polezhaev/ahaluk> (дата обращения: 25.11.2024).

нако осознания этого трагизма у его героя (представленного социального типа *кавказца*) нет. И в этом тоже проявляется философская глубина произведения Лермонтова, диалектика бытия.

Таким образом, *ахалук* лермонтовского кавказца – это не причуда, не дань моде и поиски чего-то экзотичного (хотя в начале службы у русского офицера такие черты в какой-то мере проявляются); *ахалук* – это часть военного костюма, органичного для человека, находящегося на Кавказе в определённое время и вовлечённого в боевые столкновения с горцами; наконец, это удобная одежда для воина.

Через описание костюма, оружия, аксессуаров, отдельными скупыми деталями автор отмечает изменения духовного, психологического состояния своего героя. Через 5–6 лет он уже не мечтает о *генеральских эпохеях* (хотя *грудь его увешана крестами, а чины нейдут*). И вот он превращается в настоящего кавказца: у него *завелась шашка, настоящая гурда, кинжал – старый базалай, пистолет закубанской отделки, отличная крымская винтовка, которую он сам смазывает, лошадь – чистый шаллох и весь костюм черкесский, который надевается только в важных случаях и шит ему в подарок какой-нибудь дикой княгиней*.¹

Экзотизмы *шашка гурда, базалай, шаллох*, обозначая предметы собственности русского офицера, тем самым являются и знаками, подтверждающими отношение героя к ценностям кавказской культуры. «Оценивается то, что нужно (физически и духовно) человеку...» [1, с. 181]. Оценивается и высоко ценится. *Гурда* – это клеймо на чеченской шашке. Знаменитая на всём Кавказе *шашка гурда* была мечтой каждого ценителя холодного оружия, посещавшего Кавказ в XIX в. Клинки кавказского кузнеца Уллу-Базалай, жившего в Дагестане в первой половине XIX в., до настоящего времени считаются одними из лучших в мире. На Кавказе

издавна занимались и разведением лошадей. Лучшей породой здесь во время Кавказской войны считалась порода *шаллох* (*шалох*), которая отличалась особой формой копыта, не имевшего выемки сзади.

В любую погоду под сюртуком лермонтовского кавказца *ахалук на вате*, а шинели он предпочитает *бурку*: *бурка, прославленная Пушкиным, Марлинским и портретом Ермолова, не сходит с его плеча, он спит на ней и покрывает ею лошадь; он пускается на разные хитрости и пронырства, чтобы достать настоящую андийскую бурку, особенно белую с чёрной каймой внизу, и тогда уже смотрит на других с некоторым презрением*.²

Андийская бурка – это бурка из шерсти андийских белых или чёрных коз. Описывая стремление героя достать андийскую бурку – особенно *белую с чёрной каймой внизу*, – одной деталью автор смещает реалистический план изображения в область эстетического, подчёркивает стремление своего героя к прекрасному. Практическая же сторона дела, реалистический план изображения в ином: языковой знак *слово* кодирует большой пласт информации, которая каждому настоящему кавказцу была известна, но не каждый современный читатель её воспринимает. Семантика составного наименования *андийская бурка* вбирает в себя не только лингвистическую, но и экстралингвистическую информацию. Настоящие кавказцы, среди которых был и Лермонтов, ценили *андийскую бурку* за её невероятную прочность. Способ изготовления андийской бурки (способ валяния шерсти) состоял из 15 этапов. И, как результат, андийскую бурку невозможно было прорубить кинжалом или шашкой, в ней застревали пули, что делало её незаменимым атрибутом военной жизни на Кавказе.

В тексте очерка наряду с общим русским наименованием *горцы* (жители гор) употребляются и этнонимы *чеченцы, кабардинцы, шапсуги*, функционирование кото-

¹ Лермонтов М. Ю. Кавказец // Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 4. М.: Правда, 1969. С. 337.

² Там же. С. 338.

рых в произведении Лермонтова создаёт определённый кавказский колорит, но характеристики из уст вымышленного персонажа (образа-типа *кавказца*), разумеется, не могут претендовать на универсальную историческую ценность, поскольку выполняют прежде всего характерологическую функцию, хотя в какой-то мере они являются отражением индивидуального опыта взаимодействия автора (или кого-то из прототипов его героя) с тем или иным отдельным представителем(-ями) данного этноса: *Хороший народ, только уж такие азиаты! Чеченцы, правда, дрянь, зато уж кабардинцы просто молодцы; ну есть и между шапсугами народ изрядный, только всё с кабардинцами им не равняться, ни одеться так не сумеют, ни верхом проехать... хотя и чисто живут, очень чисто!*¹

Единичными экзотизмами представлены в очерке Лермонтова другие ЛСГ. Среди использованных автором экзотизмов есть наименование жилища – *черкесская сакля*. Впрочем, её описание в очерке нет. Дана лишь авторская оценка восприятия жилища черкесов русским офицером-кавказцем: *Надо иметь предубеждение кавказца, чтобы отыскать что-нибудь чистое в черкесской сакле*. (Автор не ограничивает читателя в смысловых интерпретациях данного высказывания в контексте своего произведения!).

В характерологической функции (для создания кавказского колорита) автором используется и экзотизм *уздень*. Основанием для подобного утверждения является то, что контекст в произведении Лермонтова практически не дифференцирует различные значения данного слова (в тексте очерка есть единственное определение у этого слова: *грязный уздень*). Вероятно, в задачи автора не входило изображение особенностей социальных структур различных этносов Кавказа. Но так или иначе, данное слово имеет два значения: «1. Незакрепощённый крестьянин-общинник в феодальном Дагестане.

2. мн. (уздени, -ей). Название одной из групп феодалов в Кабарде и Адыгее»²; «под этим именем на Кавказе связываются два различных понятия. В Дагестане под узденями разумеется обширное сословие свободных людей, поселян, живших или самостоятельными сельскими общинами, или находившихся в подчинении различных владельцев на правах подданства. В Кабарде под словом У. понимается высшее сословие, происшедшее от древних родовых старейшин племени адыге (тлякотлеши), с которыми кабардинские князья (пше) вступили в соглашение и признали их права не только на землю, но и на жившее на ней население. Такими узденями являются в Кабарде всего три фамилии – Тамбиевы, Куденетовы и Анзоровы».³

К периферии текстуального семантического поля топонима *Кавказ* смещаются наименования, которые относятся к общеупотребительной лексике различных ЛСГ русского языка, которая используется в описаниях природы, погоды, реалий семейного уклада, быта, обычаев, причём не только представителей кавказских этносов, но и русских (*горы, жара, слякоть, холода, семейство, родословная, предания, пленный, тележка, лошадь* и др.). Сюда же может быть отнесён и «территориально не закреплённый» за Кавказом устойчивый оборот военной сферы употребления языка *подставлять лоб (голову) под пулю (пули)*⁴, который в авторском варианте *подставлять лоб без нужды* контекстуально переосмысливается («прикрепляется») к текстуальному семантическому полю топонима *Кавказ* в концептуальном пространстве произведения Лермонтова.

² Уздень // *Словарь русского языка*: в 4 т. Т. 4 / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1984. С. 474.

³ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Экзотическая лексика в произведениях русских писателей о Кавказе. Буква У [Электронный ресурс]. URL: <http://lermontov-lit.ru/lermontov/kritika/ekzoticheskaya-leksika/bukva-u.htm> (дата обращения: 25.11.2024).

⁴ Жуков В. П., Сидоренко М. И., Шкляров В. Т. Толковый словарь фразеологических синонимов русского языка. 2-е изд., стер. М.: Астрель; АСТ, Ермак, 2005. С. 398.

¹ Лермонтов М. Ю. Кавказец // Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 4. М.: Правда, 1969. С. 338.

Однако в тексте очерка Лермонтова есть устойчивый оборот, который относится, полагаем, к ядру рассматриваемого текстуального семантического поля. Это устойчивый оборот *выставить ноги на пенсию* с контекстуально обусловленным значением, который понять в отрыве от семантического поля *Кавказская война* вообще невозможно. Семантическое поле *Кавказская война* по многим параметрам только частично пересекается с семантическим полем *топонима* Кавказ. Но, как и в любом тексте, различные семантические поля проявляют способность к образованию общих зон, наслаиваются, взаимодействуют, и всё это может служить формированию в тексте новых смыслов.

В очерке М. Ю. Лермонтова «Кавказец» читаем: *Но годы бегут, кавказцу уже сорок лет, ему хочется домой, и если он не ранен, то поступает иногда таким образом: во время перестрелки кладёт голову за камень, а ноги выставляет на пенсию; это выражение там освящено обычаем. Благодетельная пуля попадает в ногу, и он счастлив. Отставка с пенсионом выходит, он покупает тележку, запрягает в неё пару верховых кляч и помаленьку пробирается на родину...*

В данном тексте используются оценочная лексика, относящаяся к зоне положительного (*он счастлив, возвращается на родину*), устойчивый оборот с его уникальной экстралингвистической характеристикой, данной автором (*освящено обычаем*; в системе языка – это также зона положительного), даже пуля *благодетельная* ... – а в результате создаётся потрясающая по силе своего воздействия на читателя картина заключительной стадии в процессе эволюции описываемого социального типа. И это не клевета на человека, посвятившего свою жизнь решению важной для его страны геополитической задачи. «Настоящий кавказец человек удивительный, достойный всякого уважения и участия»¹, – пишет М. Ю. Лермонтов. Автор описывает один

из вариантов, воплощающих трагическую судьбу русского офицера на Кавказе. Один из «счастливых» вариантов. И в этой связи запрет очерка к изданию представляется вполне мотивированным и закономерным.

Интерпретационный потенциал лексемы *кавказец* в концептуальном пространстве очерка М. Ю. Лермонтова

Проблема принципиальной неоднозначности прочтения авторской интенции в содержательно глубоком публицистическом тексте, каким является очерк М. Ю. Лермонтова «Кавказец», связана с интерпретацией значений и смыслов главного слова, возникающих в его текстуальных связях – парадигматических, синтагматических, эпидигматических.

Кавказец как социальный тип воина – участника Кавказской войны – изображён в очерке М. Ю. Лермонтова в его психологической подвижности. И психологические характеристики представителя данного социального типа на каждом этапе его эволюции создаются определённым языковым контекстом.

Период романтических мечтаний – это время становления характера офицера в кадетском корпусе; это чтение «*Кавказского пленника*» (автор имеет в виду, разумеется, сочинение А. Бестужева-Марлинского) и появление страсти к Кавказу, куда герой и отправляется «на казённый счёт с большими надеждами и маленьким чемоданом». Использованное автором прецедентное имя «*Кавказский пленник*» задаёт читателю определённый вектор в целостном осмыслении публицистического текста.

Между тем мечты оказываются далеки от реальной жизни. Проходит 5–6 лет, и русский офицер уже не совершает во сне рыцарские подвиги, и даже не мечтает о любви пленной черкешенки. Он приобретает опытность, становится холодно храбр и смеётся над новичками, которые подставляют лоб без нужды.² Он становится мрачен и молчалив, но по-прежнему читает Марлинского. Он уже не стремится

¹ Лермонтов М. Ю. Кавказец // Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 4. М.: Правда, 1969. С. 338.

² Там же. С. 337.

в экспедицию (болит старая рана), зато у него появляется новая страсть, которая и делает его *настоящим кавказцем*: это неподдельный интерес к культуре и быту другого народа. Дружба с мирным черкесом не только раскрывает для русского офицера иные национальные культурные ценности. Эти ценности для русского человека становятся значимыми, «своими». *Чуждый утончённостей светской и городской жизни, он полюбил жизнь простую и дику; не зная истории России и европейской политики, он пристрастился к поэтическим преданиям народа воинственного. Он понял вполне нравы и обычаи горцев, узнал по именам их богатырей, запомнил родовые главные семейств. Знает, какой князь надёжный и какой плут; кто с кем в дружбе и между кем и кем есть кровь. ... Страсть его ко всему черкесскому доходит до невероятия.*¹ И эта способность принять чужое как своё есть одна из отличительных черт человека, воспитанного в традициях русской культуры с её «вневременными» ценностями, значимыми для любого исторического периода: *жизнь, достоинство, гуманизм, милосердие, взаимопомощь и взаимоуважение, единство народов России* [12, с. 27].

Однако и новая страсть, которая превращает *кавказца*, по словам Лермонтова, в «существо полурусское, полуазиатское», не может сделать героя счастливым. Хотя *кавказец* непритязателен, стойко переносит неудобства армейской жизни (*возит с собой только чайник, и редко на его бивачном огне варятся щи*²) и всем говорит, что *на Кавказе служба очень приятна*³, по существу, его положение глубоко трагично: жизнь коротка, а конца Кавказской экспе-

диции не видно; у него нет семьи; человек оторван от своих корней.

Горькой усмешкой автора является дополнение к представленной живописной картине о *ненастоящих кавказцах*. Грузинский кавказец отличается от настоящего кавказца тем, что *очень любит кахетинское и широкие шёлковые шаровары*, а статский кавказец является кавказцем более душой, чем телом (*редко облачается в азиатский костюм*). Горькая ирония!

Создавая содержательно ёмкие, эстетически значимые и психологически глубокие реалистические описания, в своём публицистическом тексте автор приближается к документальной точности. «Запечатлевая повседневность, Лермонтов санкционирует её историческую ценность...» [7, с. 105].

Заключение

Очерк М. Ю. Лермонтова «Кавказец» в диалоге столетий раскрывает концепцию человека в «кавказской истории» России – истории, которая продолжается, с её трагическими и счастливыми страницами. Аксиология времени, особенности ментальности различных народов, специфика их языковой картины мира – всё это имеет особую значимость сегодня в контексте информационных войн, направленных на разрушение единения народов России. В истории нашего Отечества взаимодействие культур в их многообразных связях – процесс длительный и сложный, но война между цивилизациями всегда заканчивается, когда её представители начинают проявлять взаимопонимание и взаимоуважение.

Статья поступила в редакцию 30.10.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998. 895 с.
2. Бондарко А. В. Грамматическое значение и смысл. Л.: Наука, 1978. 176 с.
3. Денисенко В. Н. Синтагматика и парадигматика семантического поля // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2011. № 2. С. 18–24.

¹ Лермонтов М. Ю. Кавказец // Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 4. М.: Правда, 1969. С. 337.

² Там же. С. 338.

³ Там же.

4. Зубарева Е. О., Шустова С. В., Исаева Е. В. Концептуальное поле в современной лингвистической парадигме // Евразийский гуманитарный журнал. 2019. № 3. С. 17–26.
5. Кащенко Т. Л., Пилюн М. Г. Взаимопроникновение культур в очерке М. Ю. Лермонтова «Кавказец»: философское измерение // Журнал философских исследований. 2019. Т. 5. № 2. С. 40–43.
6. Кащенко Т. Л., Положенцева И. В., Пилюн М. Г. Феномен исторической памяти в XXI в. // Журнал исторических исследований. 2019. Т. 4. № 1. С. 46–50.
7. Киселева И. А., Поташова К. А. Историзм повседневности в кавказском цикле рисунков Лермонтова 1840–1841 годов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2023. № 1. С. 98–107.
8. Корнакова Е. С. Системное изучение лексики методом семантического поля // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2015. № 4. С. 170–175.
9. Мордовин П. С. Обстоятельства развития внутренней и внешней экспансии горцев Северного Кавказа в начале XIX века // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2024. № 2. С. 59–66.
10. М. Ю. Лермонтов: pro et contra: Личность и идейно-художественное наследие М. Ю. Лермонтова в оценках отечественных и зарубежных исследователей и мыслителей. Антология: в 2 т. Т. 1. СПб.: РХГА, 2013. 1090 с.
11. М. Ю. Лермонтов: pro et contra: Личность и идейно-художественное наследие М. Ю. Лермонтова в оценках отечественных и зарубежных исследователей и мыслителей. Антология: в 2 т. Т. 2. СПб.: РХГА, 2014. 998 с.
12. Человек – язык – дискурс: антропоцентрическая лингвистика и лингвистическая антропология: коллективная монография / ред. В. А. Миловидова. Тверь: Тверской государственный университет, 2023. 179 с.

REFERENCES

1. Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the World of Man]. Moscow, Yazyki russkoj kul'tury Publ., 1998. 895 p.
2. Bondarko A. V. *Grammaticheskoe znachenie i smysl* [Grammatical Meaning and Sense]. Leningrad, Nauka Publ., 1978. 176 p.
3. Denisenko V. N. [Syntagmatics and Paradigmatics of the Semantic Field]. In: *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Theory of Language. Semiotics. Semantics], 2011, no. 2, pp. 18–24.
4. Zubareva E. O., Shustova S. V., Isaeva E. V. [Conceptual Field in the Modern Linguistic Paradigm]. In: *Evrazijskij gumanitarnyj zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal], 2019, no. 3, pp. 17–26.
5. Kashchenko T. L., Piloyan M. G. [Interpenetration of cultures in the essay of M.Yu. Lermontov «Caucasian»: the philosophical dimension]. In: *Zhurnal filosofskih issledovanij* [Journal of Philosophical Research], 2019, vol. 5, no. 2, pp. 40–43.
6. Kashchenko T. L., Polozhenceva I. V., Piloyan M. G. [The phenomenon of Historical Memory in the XXI Century]. In: *Zhurnal istoricheskikh issledovanij* [Journal of Historical Research], 2019, vol. 4, no. 1, pp. 46–50.
7. Kiseleva I. A., Potashova K. A. [Historicism of Everyday Life in the Caucasian Cycle of Lermontov's Drawings of 1840–1841]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2023, no. 1, pp. 98–107.
8. Kornakova E. S. [Systematic Study of Lexicon on the Basis of Semantic Field Method]. In: *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics], 2015, no. 4, pp. 170–175.
9. Mordovin P. S. [Circumstances of the development of internal and external expansion of the North Caucasus mountain people at the beginning of the 19th century]. In: *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskij region. Obshchestvennye nauki* [Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus region. Social science], 2024, no. 2, pp. 59–66.
10. M. Yu. Lermontov: pro et contra: Lichnost' i idejno-hudozhestvennoe nasledie M. Yu. Lermontova v ocenkah otechestvennyh i zarubezhnyh issledovatelej i myslitelej. *Antologiya. T. 1* [M. Yu. Lermontov: pro

- et contra: Personality and ideological and artistic heritage of M. Yu. Lermontov in the assessments of domestic and foreign researchers and thinkers. Anthology. Vol. 1]. St. Petersburg, RHGA Publ., 2013. 1090 p.
11. *M. Yu. Lermontov: pro et contra: Lichnost' i idejno-hudozhestvennoe nasledie M. Yu. Lermontova v ocenках otechestvennyh i zarubezhnyh issledovatelej i myslitelej. Antologiya. T. 2* [M. Yu. Lermontov: pro et contra: Personality and ideological and artistic heritage of M. Yu. Lermontov in the assessments of domestic and foreign researchers and thinkers. Anthology. Vol. 2]. St. Petersburg, RHGA Publ., 2014. 998 p.
 12. Milovidova V. A., ed. *Chelovek – yazyk – diskurs: antropocentricheskaya lingvistika i lingvisticheskaya antropologiya* [Man – language – discourse: anthropocentric linguistics and linguistic anthropology]. Tver, Tver State University Publ., 2023. 179 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Федорченко Евгения Алексеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Российской таможенной академии;
e-mail: fedorchenko-ea@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeniya A. Fedorchenko – Dr. Sci. (Philological Sciences), Prof., Department of Humanities, Russian Customs Academy;
e-mail: fedorchenko-ea@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Федорченко Е. А. Лексема *кавказец* в концептуальном пространстве одноимённого очерка М. Ю. Лермонтова (лингвокультурологический аспект) // Отечественная филология. 2024. № 5. С. 42–53.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-5-42-53

FOR CITATION

Fedorchenko E. A. The Russian Lexeme *Кавказец* “Caucasian” in the Conceptual Space of M. Yu. Lermontov’s Essay (A Linguistic and Cultural Aspect). In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 5, pp. 42–53.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-5-42-53